

Этот славный человечек

Галина Щербакова в воспоминаниях

Александр Сергеевич Щербаков
ЭТОТ славный человек.
Галина Щербакова
В ВОСПОМИНАНИЯХ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21617546

ISBN 9785448326165

Аннотация

Эта книга для тех, кто полюбил и продолжает любить повести и романы «Вам и не снилось» и «Отчаянная осень», «Армия любовников» и «Женщины в игре без правил», «Актриса и милиционер» и «У ног лежачих женщин»... Читателю предоставляется возможность разгадать, как из прозы брэнного существования рождается писательская проза, а главное, увидеть в ее авторе не только творческую личность, но страстную, умную и очень сильную женщину, прошедшую многотрудный жизненный путь, – под стать героиням ее книг.

Содержание

Эта книга – дань памяти Галины Николаевны	5
Щербаковой ее родных и друзей	
Первая встреча, последняя встреча...	6
Вслед уходящей памяти	14
Пятьдесят лет спустя	17
Общая юность	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Этот славный человек
Галина Щербакова
в воспоминаниях**

Редактор-составитель Александр Сергеевич Щербаков

ISBN 978-5-4483-2616-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга – дань памяти Галины Николаевны Щербаковой ее родных и друзей

Вот их имена: Ольга Арнольд, Наталья Бархатова, Татьяна Бобрынина, Владимир Готов, Елена Гоцило, Зигмунт Збыровский, Аида Злотникова, Инна Калабухова, Леонид Лернер, Валентина Маркуца-Ксенофонтова, Генриетта Перьян, Галина Скребова-Махаринская, Руфина Теплякова, Александр Фунин, Иветта Шаньгина.

Особая сердечная благодарность тем, кто предоставил свою рукопись для этого сборника, но не дождался выхода книги: Татьяна Морозова, Александр Режабек, Владислав Смирнов.

Первая встреча, последняя встреча...

Десятого мая в 2012 году писательнице Галине Щербаковой, автору нашего журнала, исполнилось бы восемьдесят лет.

Не дожидаясь. А то бы я обязательно плюнула на собственные преклонные годы, на все болячки и отправилась к ней в Москву на юбилей. Даже без приглашения. Впрочем, мне кажется, она не возразила бы.

Наша юношеская дружба возобновилась несколько лет назад по моей инициативе. Но внезапно вспыхнувшая при этой встрече симпатия объяснялась, я думаю, не только сентиментальными воспоминаниями. А ощущением полного совпадения тока крови и мыслей.

Мое внезапное вторжение в незнакомую квартиру было как вхождение в собственный дом. Тут все оказалось в точности как у нас. Не только такие же простые книжные полки вдоль всех стен, не только те же самые на них книги – этот обычный стандарт литературной, журналистской среды. Но я узнавала дешевые пластмассовые люстры, которые так и не удосужились сменить на хрустальные. Шторы, которые казались такими современными в семидесятые и такими устаревшими сегодня. И авторские поделки, картины, по-

даренные любимыми друзьями. И набор угощений, который не требует ни времени, ни больших денег, а только искренних чувств. А стоило нам открыть рот, заговорить о литературе, политике, персоналиях, как опять оказалось, что все наши вкусы, мнения сходятся вплоть до запятой.

Между тем, при нашем знакомстве мы были не слишком похожи. Наша первая встреча случилась в пятидесятом году, когда, как пишет Валя Маркуца, «мы переступили порог Ростовского университета». Сближение произошло по поводу того, что Галя Руденко (девичья фамилия) сняла на пару с ещё одной студенткой комнату в гигантском (по тем временам) конструктивистском комплексе «Новый быт», в котором жила моя семья.

Предлог, повод стал довольно скоро потребностью. Чем могла я понравиться Галке? Разве что начитанностью? Это моё единственное реальное достоинство. В ней же меня привлекла особая южная яркость, неповторимая смесь провинциального простодушия, хохлацкого терпкого юмора (как она припечатала одну нашу факультетскую красавицу – «полна пазуха титёк и велика срака»!) и деятельного ума. Такая хрупкая, юная на вид, Галка была уже сложившимся человеком, готовым не только выбирать свою судьбу, но и строить её.

Ей не хватило балла для поступления по конкурсу (резали нас нещадно), и Галя пошла к заведующему учебной частью университета Тимошкину, который заодно принимал всту-

пительные экзамены по географии и как раз поставил ей роковую «четверку». Она заставила Тимошкина разыскать ее экзаменационное сочинение, в рецензии на которое отмечалась ее особая литературная одаренность. И убедила, что будущему филологу важнее хорошо писать, чем знать месторасположение Гавайских островов.

Мне кажется, что на Тимошкина подействовали не столько литературные способности абитуриентки Руденко, сколько он оценил ее как личность. Ему понравилась ее настойчивость, целеустремленность. Дмитрий Степанович своей властью определил ее на какую-то вакансию в романо-германской группе, а еще до начала занятий – на русское отделение, вместо не приехавшей медалистки. Этот явный кагебешник был назначен судьбой Галке в ангелы-хранители, помог ей шагнуть на первую ступеньку в писательской судьбе.

А мы этого ее будущего не прочитывали. Галя Руденко не ходила в литобъединение. Не посещала на втором курсе конференцию писателей Юга России, на которую нас отпускали с занятий по особому списку. Казалось, главное ее увлечение – общественная работа. Так и вижу ее с блокнотом в руках на каком-то общефакультетском собрании.

И «мальчики». Тут, впрочем, она никаких усилий не прилагала. Хоровод, рой этот кружился вокруг Галки с первого дня. И был потрясающе разнообразен. От первокурсников наших до выпускников. От разгильдяев, от спортсменов – до зубрил-отличников. Галка оттянула на себя чуть не по-

ловину скудного мужского отряда гуманитариев, прихватив заодно юристов и геологов, которые тоже учились в главном корпусе.

Как пелось в одной тогда популярной песенке: «Не такая в общем уж красавица»... Даже и кокеткой она не была. А стремление украсить себя какой-то дамской шляпкой с вуалеткой только портило Галку. Глаза только были необыкновенные...

Ведь мы тогда знать не знали о таком удивительном свойстве, как сексапильность. Что-то такое я почуяла на встрече пятьдесят второго года, когда я и Галка, уже невеста, причем вместе с женихом, оказались в компании, где небольшое количество мальчиков было четко прикреплено к конкретным девицам. Я с этими парами общалась постоянно, и никому из ребят в голову не приходило отнестись ко мне иначе, чем как к «хорошему парню». А с появлением Галки «все смешалось в доме Облонских». Пары рассыпались. Все ребята потянулись к ней, как булавки к магниту. И это выглядело так естественно, что не вызывало у остальных девушек, включая меня и «брошенок», ни раздражения, ни обиды. Мы тоже были Галкой очарованы. Это был такой свет не просто женского обаяния, такой костер живой жизни, всплеск эмоций, выходок, остроумия, что все скромно отступило в сторону, ожидая, когда это пламя вернется в свой личный очаг и позволит затеплиться нашим огонькам.

Наверное, так реализовалась в Галке не только женская,

а творческая сущность. Я помню, что так же сверкнула она на вечере самодеятельности, посвященном Симонову, который организовала наша группа. Люба Корж делала серьезный литературоведческий доклад. Галя Махаринская трогательно пела «Сколько б ни было в жизни разлук»..., студентки-поляки хором исполняли «От Москвы до Бреста». Я с интернационалистским пафосом читала «Генерала» – о Матэ Залке в Испании. И много еще кто чего. А Галя Руденко в сценах из пьесы «Парень из нашего города» так непосредственно, живо играла Варю, была так очаровательна, так достоверно влюблена и предана, что зал взрывался аплодисментами после каждой ее реплики.

Еще я помню, как праздновали мы Галкино двадцатилетие десятого мая пятьдесят второго года. Откуда шла компания из пяти студенток? Наверное, возвращались с какого-нибудь общественного мероприятия по случаю Дня Победы. И вдруг Галка нас всех взбудоражила, закружила, затащила в кафе. Совсем не в наших правилах и не по нашим скромным кошелькам. И опять сплошной смех, шутки, радость через край. И внимание на наш стол, на нее всех посетителей мужского пола. И наше чистое, светлое упоение молодостью, весной, первой зеленью, шоколадным мороженым.

Это, пожалуй, последнее мое студенческое воспоминание о Гале Руденко. Когда она вернулась в Ростов через десять лет, работала в «Комсомольце», разводилась с Режабе-

ком, выходила замуж за Сашу Щербакова, я была в Сибири. И вторая встреча с Галкой, теперь Щербаковой, у меня произошла через книги. Сначала – «Вам и не снилось» в «Юности». Потом в «Доне» – «Справа оставался городок».

Первое чувство – удивление. В роли писателя я Галю не представляла. К тому же ранние ее вещи мне не слишком понравились. Что-то в них отдавало розовым. То ли напоминало злополучную вуалетку. Мне кажется, что Галка, достигнув творческой зрелости, сама относилась к этим повестям критически. Но уже зная по собственному опыту, как труден путь от замысла к результату, которого у меня вообще не было никакого, я ждала. И дождалась. Повесть «Стена» в «Знамени» – это уже было серьезно. И в героине, которая, заколов юбку между ног булавкой, делает «колесо», я угадала, узнала юную Галку наших студенческих лет. Но эта живая картинка, броский портрет (такие уже были в описании жизни шахтерского городка) сочетался с тонким психологическим анализом личностей героев. А потом все глубже становились ее книги, интересней круг героев. И все больше совпадений обнаруживала я через книги в нашем отношении к жизни, к людям. Она вдруг легко, как само собой разумеющееся, высказывала то, что мне казалось моим сокровенным. Рассказывала историю, которую никто кроме меня не знал. Смешно, мы обе с ней регулярно употребляли в книгах одно и то же выражение. Только Галя писала «в пандан», а я, ссылаясь на бабушку, которая подхватила, вероятно, словеч-

ко в швейцарской эмиграции, да ещё сама «проходившая» в школе французский, пишу «pendent», без русского предлога «в», который самим наречием «pendent» подразумевается. И таких «pendent», то есть – подстать, в масть, в тон – в ее и моих взглядах, вкусах, интересах был миллион. Я с наслаждением читала и такую изящную миниатюру, как «Кровать Молотова», и добрую, прекрасную новомировскую публикацию «У ног лежачих женщин». Удивлялась Галкиной ранее мне не известной образованности, способности к философским обобщениям. Как далеко она ушла от девочки из шахтерского Дзержинска! Я вот не очень-то продвинулась в своем умственном развитии.

Но больше всего я завидовала ее широкому взгляду на мир, знанию окружающей действительности во всем ее многообразии, всех этих «Яшкиных детей» – истопников, бухгалтеров, рядовых училок, домработниц и слесарей-сантехников с их маленькими и большими горестями и радостями, с такими жалкими и величественными. С их особым лексиконом. Который звучит на каждом углу, в каждом трамвае. Но в литературу не попадает, как второсортный, или проникает в утрированном, карикатурном, издевательском виде. А у Щербаковой – он живой, полноправный. Вот как разгорелся этот костёр темперамента, оказавшегося не женским, а творческим.

Я вот так и не выбралась из своего пресного, полукнижного круга. И это восхищение Галиной как писателем толкнуло

меня к нашей последней встрече. Хотелось узнать, насколько ее книги отражают ее личность. Это ведь не всегда совпадает. Талант иногда бывает явлением физиологическим, интуитивным, не связанным ни с умом, ни с нравственностью.

Третья встреча меня не разочаровала. Я уже писала, что с первого взгляда почувствовала родную душу. Только недолго пришлось порадоваться возобновлению дружбы. Но верно говорят, что общение с большим писателем продолжается и после его смерти: читаешь и перечитываешь его книги.

Мы в этом номере журнала предлагаем вам прочесть Галины рассказы, которые она когда-то забрала, спрятала в письменный стол.

Дай бог всякому писателю иметь «отходы» такого уровня.

Инна КАЛАБУХОВА

(«Ковчег», №3, 2012, Ростов-на-Дону)

Вслед уходящей памяти

Судьба свела меня с Галей Руденко в 1950 году, во время вступительных экзаменов в Ростовский университет. Живой, веселый человек.

Проучившись два года в нашей группе, она уехала в Челябинск. Но, видно, Ростов такой город, что притягивает к себе всех, кто хоть раз побывал в нем.

В шестидесятых узнаю, что она вновь здесь, работает в газете «Комсомолец». И случайно попадаю на новоселье – Галя получила квартиру. Что я вижу! Комната полна гостей, пол сплошь устлан газетами, на них кое-какая снедь, вокруг нее веселые молодые люди, а повыше красуется лозунг: «Дашь половую жизнь!». Шум, говор, смех... Она любила смеяться.

Потом они с мужем, Александром Щербаковым, в Москве. Почему уехала?.. Тем не менее, узнаем, что наша Галя становится настоящим писателем. Постепенно, разумеется. Появляются книги «Вам и не снилось», «Стена», «Справа оставался городок»...

И вновь встречаю ее в Ростове, она проездом. Дает мне столичный телефон: «Звони!».

Следующее свидание уже в Москве. Велела прийти в какой-то день, но после двух. До этого времени – она за письменным столом. Творчество было смыслом жизни.

Поскольку я работала в театре, то больше всего говорили о спектаклях, актерах. Мы согласились, что каждая постановка должна быть хотя бы маленьким художественным открытием. Галя удивлялась – сколько видела спектаклей в Москве – никаких находок. Иной раз не поймешь о чем. И зачем. Актеры больше тужатся и кричат. Скука и все.

– Вот, видишь, как получается!

– Главное – талант режиссера и актеров.

– Москва полна талантами, но бездарей везде полно. А ты, я вижу, сидишь там прочно. И тебе интересно.

– Безусловно. Пока так.

Я была у нее часа два. Мы пошли на кухню, и Галя угостила меня вкуснейшими горячими бутербродами с сыром. Мы пили чай, и Галя сказала: «Мне тебя не хватило, давай ещё встретимся». Но командировочное время коротко.

Напоследок она пожаловалась на здоровье. Это были семидесятые годы.

В другой мой приезд она была огорчена:

– Дочь учудила, привела молодого человека и сказала: «Мы будем здесь жить». То есть в моем кабинете. Я сказала: «Нет».

Галя не дорожила комфортом, удобствами, но свое право на условия труда защищала жестко. Она уже была знаменита, но тогдашний успех ей казался незаслуженным, случайным. Была слишком требовательна к себе. Хотела показать беспощадную правду жизни. И ценила каждую рабочую секунду.

И каждая ее следующая книга действительно была все глубже, интересней. Не случайно она стала постоянным автором «Нового мира». Пробовала себя в разных жанрах. Заглядывала во все уголки нашей действительности. И даже в фантастические миры. Но всего задуманного сделать не успела.

Галина СКРЕБОВА-МАХАРИНСКАЯ
(«Ковчег», №3, 2012, Ростов-на-Дону)

Пятьдесят лет спустя

С Галиной Щербаковой (тогда – Галей Руденко) я познакомился 10 октября 1950 года, когда вместе с другими польскими студентами приехал учиться в Ростовский университет. Нас было пятеро поляков, зачисленных на отделение русского языка и литературы. Мы опоздали, семестр начался первого сентября, и уже через несколько недель предстояло сдавать первые зачеты, а в начале января – экзамены. А мы еще только осваивались и почти совсем не знали, как оказалось, русского языка. Те основы грамматики и классической литературной речи, которым нас научили в Польше, не имели ничего общего с живым южнорусским говором, на котором болтали ростовские студенты. Но даже лекции нам было трудно записывать, воспринимать – не поспевали. И вот тут с первого дня нам помогли однокурсники. Окружили нас заботой, старались все объяснить, одалживали лекции и конспекты, делились литературой.

Не последнюю роль в шефстве над нами играла Галя. Она была комсоргом группы. Но, я считаю, хлопотала, активничала Руденко не потому, что была комсоргом, а комсоргом ее выбрали как раз за неумный характер. Я очень живо представляю Галю тех лет: яркую, красивую, обаятельную, деятельную, очень остроумную, даже язвительную, но при этом доброжелательную. Впрочем, таких ярких, привлекательных

девушек в группе и на курсе было немало. К тому же нас, иностранцев, поселили в общежитии, где тоже жизнь кипела ключом. Поэтому, когда Галя вышла замуж на втором курсе и уехала на Урал, впечатление об этом знакомстве быстро заслонилось новыми.

Кстати, и сама Галя не упоминает в своей биографии эти два ростовских года. И в книгах своих обходит стороной этот период. Может, мне не попались соответствующие книги? Может, это был проходной, бесплодный отрезок её жизни? Кто способен высчитать, где находятся самые главные места в биографии художника? Почти полвека я ничего не знал о Гале Руденко и даже о ее писательских успехах. Хотя с некоторыми русскими однокурсниками долгие годы поддерживал связи, переписывался и встречался. И только в мае 2001 года я узнал, что Галя стала известной писательницей и живет в Москве. Произошло это при следующих обстоятельствах: я приехал с женой в Москву в двухнедельную научную командировку и решил, воспользовавшись случаем, посетить Ростов, может быть, в последний раз увидеться с ростовскими друзьями. От них-то я узнал о новых обстоятельствах жизни Галины, теперь – Щербаковой. И ее московский адрес и телефон.

Воодушевленный встречей с бывшими однокурсниками, всеми этими сладкими разговорами и воспоминаниями, я, вернувшись в Москву, решил позвонить Гале. В последний момент вдруг сильно засомневался. Ей это нужно, интерес-

но? Она меня помнит? Столько лет прошло! А у нее сегодня жизнь полна до краев. Но все же позвонил. Оказалось, что Галя меня хорошо помнит и очень рада. Пригласила нас с женою к себе. Моя жена Ганя тоже училась в Ростовском университете в то же время, но на биофаке. Так что была не против. С другой стороны – нас поджимало время. Мы уезжали в Петербург. А на тот день, что нам назначила Галя, мы еще раньше получили приглашение от наших земляков, Ванды и Жени Дурачинских, тоже бывших студентов РГУ. Ванда, кстати, училась в одной группе со мной и Галей на филфаке. Женя был историком, начинал учебу в Ростове, заканчивал в МГУ, а в то время являлся представителем Польской Академии наук при Российской Академии. А главное – они были наши близкие друзья. Эту встречу мы отменить не могли. Вот и пришлось нам в этот день гостить в двух домах и обедать дважды.

С Галей мы провели очень приятно несколько часов и просидели бы еще дольше, если бы не опаздывали к Дурачинским. Пришлось попрощаться с милой хозяйкой. Несмотря на то, что мы виделись в Ростове двадцатилетними, а в Москве встретились семидесятилетними, мы сразу нашли общий язык. Не только я и Галя, но и Ганя с хозяйкой. Конечно, не обошлось без обильного русского угощения, пили вино. Но главным был разговор. Вспоминали Ростов, университет, рассказали друг другу кто что знал о бывших соучениках, порадовались их успехам, погрустили об ушед-

ших. Я же только что побывал в Ростове, мои сведения были самыми свежими. Упомянули любимых преподавателей. Постепенно заговорили о политике. Я не без иронии напомнил Гале ее комсомольскую карьеру в университете, ее горячие речи и горящие глаза. Она сказала, что в юности искренне верила всему, что говорили в школе, писали в газетах, что под гипнозом советской пропаганды находилось большинство народа, а молодежь – в особенности. Я ее понял. За прошедшие годы сам многое передумал и осознал. Но это была часть нашей жизни.

Поговорили о личном. Больше рассказывала Галя. Нам было очень интересно узнать не только о ее книгах, но о ее муже, детях, внуках. Коснулись так называемого «еврейского вопроса», который, в силу семейных обстоятельств, занимает важное место в жизни и творчестве Галины. Она рассказала нам о посещении Израиля, о встрече с внуками. Очень сожалела, что они полностью оторваны от России, не чувствуют эмоциональной связи с ней.

В те дни я еще ничего из Галиных книг не читал. На прощанье Галя подарила мне недавно опубликованные «Подробности мелких чувств» с очень милой дарственной надписью «Дорогим моим Збыровским от Гали Щербаковой, которая вас любила в молодости и любит при седирах. Ваша Галя». Я отблагодарил ее своей монографией о жизни и творчестве Бориса Пастернака. Этой темой я занимаюсь около тридцати лет. Позже, когда на разных научных кон-

ференциях, в докладах, посвященных современной российской литературе или женским проблемам в обществе, звучала фамилия Щербаковой, я обязательно завязывал разговор с докладчиком. Я гордился своим юношеским знакомством с таким интересным человеком.

В тот день мы расставались с сожалением. Тем более что были почти уверены – больше не встретимся. А осталось так много интересного, о чем не успели поговорить. Неожиданно через два года такая возможность появилась. Мы с женой опять приехали в Москву. Но только проездом в Петербург на конгресс Международной Ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Я позвонил Гале в надежде на встречу. Но оказалось, что в этот день она едет в Подмосковье. А назавтра утром нас ждал поезд в Петербург. Мы только поговорили по телефону, пожалели о невозможности встречи. Но зато я заглянул в большой книжный магазин на проспекте Калинина. И увидел целую полку книг Щербаковой. Они бросались в глаза оригинальными обложками. Я было вознамерился их купить. Но их было больше десятка, а наш собственный багаж, кстати, тоже в основном состоявший из книг, был неподъемным. Пришлось воздержаться. Понадеялся на магазины русской книги в Польше. Не нашел. Спрашивал владельцев магазинов – нельзя ли сделать заказ в Москву? И это оказалось невозможным. Как, впрочем, не удастся мне купить в Польше ни одной из интересующих меня книг Пастернака и о Пастернаке. Знаю об их су-

ществовании, их выходные данные. А приобрести не могу.

Таким образом, я остаюсь читателем единственной книги университетской подруги. Но я рад, что мы были знакомы в юности и что спустя полвека привелось нам встретиться, почувствовать взаимную симпатию, общность взглядов и вкусов, интересно поговорить. Этот милый эпизод в моей жизни останется навсегда хорошим воспоминанием.

Зигмунт ЗБЫРОВСКИЙ,

доктор филологических наук, профессор

Варшава

(«Ковчег», №3, 2012, Ростов-на-Дону)

Общая юность

Бывает в жизни: очень близкие люди расходятся волею судьбы далеко и надолго и вдруг (хотя, как теперь я знаю, ничего «вдруг» не случается) встречаются. И происходит чудо возвращения в далекую общую юность (Галино выражение), вспыхивают молодые чувства и как будто не было этих розно прожитых лет – вы встретили родную душу.

Так произошло у меня. Мы познакомились шестьдесят два года назад, в далеком пятидесятом, когда мы, студенты первого курса, робко переступили порог Ростовского университета. Одеты более чем скромно: большинство девушек – в школьной форме. В голове крутятся десятки вопросов: где, как и на что жить? Где заниматься?

Не знаю, сколько бы мы еще в одиночку переживали предстоящие трудности, если бы не Галя Руденко. Она весело и естественно завязывала знакомства. Очень хорошо помню ее: черная, как галчонок, с огромными глазами, худенькая, в форменном школьном платье с белым кружевным воротничком, живая, веселая, она органично стала центром будущего студенческого коллектива. Вскоре мы перезнакомились, шумно обсуждали предстоящую студенческую жизнь и единодушно избрали Галю комсоргом.

У меня сохранилось несколько групповых фотографий тех лет. И везде она улыбается, и эта улыбка не дежурная

вежливая дань моменту – а ее распахнутая душа, радость бытия, радость общения, ожидание счастья.

Два года мы с ней бок о бок работали в бюро, а потом – в комитете комсомола. Организация была большая – более шестисот человек. Сейчас принято поминать комсомол плохими словами, мазать черной краской. Это односторонний взгляд на жизнь. Молодежи во все времена были и будут нужны собственные структуры, которые бы решали ее специфические проблемы и помогали найти свое место под солнцем. В совершенно противоположном советскому строю – капиталистическом – существовали и существуют бойскауты. И с большой пользой для дела. А «хиппи», «глобалисты»? Разве это не молодежные движения, соответствующие времени и месту? Со своими плюсами и минусами? Плюсы и минусы были и у комсомола. И плюсов было много. Не зря же одна из самых популярных газет сохранила название «Комсомольская правда». Все еще зависит от людей.

Гале поручили, казалось бы, скучнейший организационный сектор. Внешне создавалось впечатление, что она легко и даже весело справляется с этими трудностями: много шутила, сыпала «украинизмами», шутками-прибаутками. Природный юмор и самоирония отличали ее от слишком серьезных надутых комсомольских лидеров и здорово помогали ей в общении с товарищами, создавали ей настоящий авторитет.

Как она все успевала, не знаю, но училась увлеченно

и успешно, как вообще делала все. Учеба и бурная общественная жизнь были одухотворены первой любовью. В ней случались и слезы, и разочарования, и обиды. Всё это трепетно обсуждалось между нами. Когда плечо подруги рядом, легче переносить боли, радостнее – радости.

Не могу лукавить, что помню все Галины пристрастия (прошло столько лет!), но с уверенностью скажу, что общая картина нашей духовной жизни, о которой пойдет речь, верна. Мне очень помог в ее воссоздании семейный архив – письма, дневники, фотографии.

Недавно закончилась война, и мы дружно стояли в длиннющих очередях за билетами в кино, чтобы посмотреть еще и еще раз фильмы о битве с фашистами, о подвиге нашего народа: «Молодую гвардию», «Звезду», «Парень из нашего города», «Смелые люди». А еще довоенные фильмы: «Чапаев», «Свинарка и пастух», «Трактористы», «Семеро смелых». Нас привлекали герои этих фильмов прежде всего своей любовью к Родине, смелостью, бескомпромиссностью, верностью идеалам. Мы считали их своими духовными ориентирами.

А книги! В первом семестре нам читали краткий курс введения в советскую литературу, чтобы мы не ушли с головой в древнерусскую и «античку». Студенческий абонемент даже в малой степени не обеспечивал нашу жадную тягу к современным авторам. В глубине двора-колодца РГУ располагалась «читалка» – просторный зал с огромным оваль-

ным столом посредине. Она всегда была полна! Тишины там не соблюдали: здесь студенты не просто готовились к занятиям и экзаменам, но и глотали толстые литературно-художественные журналы: «Новый мир», «Знамя», обменивались мнениями, спорили, и довольно оживленно. На слуху – «Девятый вал» Эренбурга, «Иван Иванович» Коптяевой, «Жатва» Николаевой, «Алые погоны» Изюмского, «За правое дело» Гроссмана, «Старые знакомые» Казакевича. Нарасхват были журналы с повестями о студенческой жизни – «Здравствуй, университет» Свирского, «Студенты» Трифонова. Как понимаешь теперь, жизнь была куда сложнее и трагичней, чем конфликты перечисленных книг.

Особенно были мы «заражены» поэзией. Многие в группе сами пытались писать стихи. Сколько лет пролетело, но в памяти стоит концерт мастера художественного слова Аксенова. Наш небольшой клуб был не просто полон – он трещал по швам. Впервые мы услышали стихи Сергея Есенина. Его тогда не только не изучали в школе, но не печатали, запрещали читать. Потрясли нас строки «Дай, Джим, на счастье лапу мне», «Песнь о собаке». Аплодировали бешено, уходили переполненные благодарностью к Аксенову, любовью к Есенину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.